

16+

Замахина Людмила

Пробуждение памяти

Людмила Замахина
Пробуждение памяти

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Замахина Л. И.

Пробуждение памяти / Л. И. Замахина — «ЛитРес: Самиздат»,
2017

Сержант Алексей Егорович Уваров - один из миллионов советских воинов, отдавших жизнь за победу над фашизмом. Многие годы семья не знала, как он погиб и где захоронен. Его внучка, Людмила Замахина, педагог по образованию, решила найти могилу солдата. Поиски заняли полтора года. О том, как ей удалось разыскать место захоронения дедушки, какие впечатления оставила поездка в Германию, описаны в этой книге - «Пробуждение памяти».

Содержание

Пролог	5
1 глава	6
2 глава	10
3 глава	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Людмила Замахина

Пробуждение памяти

Пролог

Родом я с Алтая, яркого, живописного и богатейшего природного края, раскинувшегося на территории юга Западной Сибири. Красота этих мест способна заморозить каждого, кто побывал здесь хоть раз. Это удивительный край, солнечный и теплый летом, заснеженный и суровый зимой, это край человеческих надежд, счастливых ожиданий. Выросла я в маленьком селе Велижанка. Но вряд ли вы сможете найти его на карте... Там прошли мое детство, юность и отрочество... С годами приходит осознание того, что земная жизнь не бесконечна... Все уходит в небытие: люди, дома, маленькие села и деревеньки... И только память человеческая живет в сердце, и пока оно бьется, пока оно дышит любовью к своему родному краю, к своей малой родине, память будет жить. Порой так и хочется крикнуть: «Не исчезай, мое село! Мое село, село родное...» Память человеческая... Это бесценное чувство для каждого из нас. Память возвращает нас в прошлое... И вот мы, вспоминая, переносимся в годы детства и юности. И сердце переполняется и дышит любовью к окружающему миру, к людям, участвовавшим в твоей судьбе, твоём становлении. И приходишь к выводу, что жизнь наша так коротка и быстротечна... Пустая страница истории моей семьи заполнена и стала страницами этой книги. Казалось бы, все. Детская мечта сбылась. Обещание, данное мной в детстве, выполнено. Можно поставить точку. А остановиться не могу, потому что память жива, стоит только немного потревожить ее, и вся жизнь, как на ладони. Мой край Алтайский, мое село родное Велижанка, с ее знаменитым ленточным бором, глубокими прудами и березовыми колками, наша средняя школа, мои школьные учителя, друзья детства и, конечно же, мои корни – моя семья и родственники. Рассказываю о своих поисках деда, о поездке в Германию, об увиденном в другой стране, своих впечатлениях на разных встречах с разными поколениями, начиная от школьников среднего и старшего звена, студенчества и заканчивая ветеранами. Эти встречи носят не только информационный, но и познавательный, патриотический характер. Жизнь быстротечна, как река. И наше прошлое всегда поможет построить наше будущее. Я хочу пожелать вам, не забывайте своих родственников, интересуйтесь их прошлым, ведь прошлое – продолжение будущего. Мы должны, мы обязаны помнить!

1 глава

Реж, 2015-2016

Когда разговор с бабушкой моей касался жизненного и военного пути моего деда, ее глаза мгновенно наполнялись слезами. Сейчас, спустя прошедшие долгие годы, я понимаю, насколько это было сильное и огромное чувство под названием – Любовь. А тогда, обнимая ее, я пообещала бабушке и самой себе, что обязательно найду дедушку. В то время я еще не понимала смысл данного обещания – маленькая была. Но это данное детское обещание я пронесла через всю свою жизнь. Периодически писала письма во многие инстанции, но ответов не было. И вот очередной праздник Победы, 9 мая 2015 года. В каждом доме вновь звучит торжественный голос Юрия Левитана: «Приказ верховного главнокомандующего по войскам красной армии и военно-морскому флоту. 8 мая 1945 года в Берлине представителями германского верховного командования подписан акт о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил. Великая Отечественная война, которую вел советский народ против немецко-фашистских захватчиков, победоносно завершилась. Германия полностью разгромлена. Товарищи красноармейцы, краснофлотцы, сержанты, старшины, офицеры армии и флота, генералы, адмиралы и маршалы, поздравляю вас с победоносным завершением Великой Отечественной войны. В ознаменование полной победы над Германией сегодня, 9 мая, в День Победы, в 22 часа столица нашей Родины Москва от имени Родины салютует доблестным войскам Красной Армии, кораблям и частям Военно-Морского Флота, одержавшим эту блестящую победу, тридцатью артиллерийскими залпами из тысячи орудий. Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины! Да здравствуют победоносные Красная Армия и Военно-Морской Флот! Смотрю трансляцию парада на Красной площади, смотрю, как шагает с портретами своих родственников, погибших в годы Великой Отечественной войны «Бессмертный полк». И в одном строю с ним идет наш президент Владимир Владимирович Путин с портретом своего отца-воина, не вернувшегося с полей сражений. Я думала и плакала, плакала и думала, глядя на экран телевизора. Сколько же русских солдат покоится на полях сражений той великой войны! И вновь пересматриваю, перечитываю хронику, как и какой ценой досталась нам эта победа: «Победа в Великой Отечественной войне, самый огромный, выстраданный миллионами людей, подвиг! И насколько долгим, и тяжелым был заключительный этап до окончания военных действий. Наступление советских войск в районе Польши и Пруссии пришлось на январь 1945-го. Союзнические войска также не стояли на месте и быстрыми темпами двигались к Берлину. По мнению многих историков и аналитиков, ознаменовало полное поражение Германии самоубийство Гитлера, совершенное 30 апреля 1945 года. Впрочем, это не остановило войска нацисткой Германии. Лишь кровопролитные сражения за Берлин привели к окончательной победе СССР и союзников, но слишком большой ценой. Сотни тысяч убитых с обеих сторон – и 2 мая столица Германии капитулировала. Далее последовала и капитуляция самой Германии. 8 мая в Карлхосте, восточном предместье Берлина, представители Верховного главнокомандования советских Вооруженных Сил и Верховного командования союзных войск приняли безоговорочную капитуляцию Германии от немецкого военного командования. От германского Верховного командования документ подписал начальник штаба Верховного главнокомандования генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель от вермахта, а также представители люфтваффе и кригсмарине, имевшие соответствующие полномочия от гросс-адмирала Дёница (назначенного 30 апреля 1945 года президентом Германии). От имени правительств стран антигитлеровской коалиции Акт подписывали СССР и Великобритания. Со стороны СССР – представитель Верховного главнокомандования, главноначальствующий в советской зоне оккупации Германии и одновременно главнокомандующий советскими оккупационными войсками в Германии маршал СССР Георгий Жуков от Красной Армии. Вторую подпись поставил заместитель Д.

Эйзенхауэра британский главный маршал авиации Артур Теддер. Представители Верховного командования Союзных экспедиционных сил в Европе – главнокомандующий армией Франции генерал Ж. де Латтр де Тассиньи и командующий стратегическими ВВС США генерал К. Спаатс – поставили свои подписи в качестве свидетелей. Акт о безоговорочной капитуляции фашистской Германии был подписан 8 мая в 22:43 по центрально европейскому времени (то есть 9 мая в 0:43 по московскому времени) и вступал в силу с 24:00 по московскому времени. Именно из-за этой естественной разницы во времени во всем мире День Победы отмечается 8 мая, а в Советском Союзе – 9-го. Накануне, 8 мая 1945 года Президиум Верховного Совета Союза ССР издал Указ, в котором 9 мая объявляется Днём Победы над фашистской Германией: «В ознаменование победоносного завершения Великой Отечественной войны советского народа против немецко-фашистских захватчиков и одержанных исторических побед Красной Армии, увенчавшихся полным разгромом гитлеровской Германии, заявившей о безоговорочной капитуляции, установить, что 9 мая является днём всенародного торжества – праздником Победы.»

Более 70 лет прошло с тех пор. Многие смогли, сумели установить военный путь и подвиги своих родственников. Почему же я не могу этого сделать? Что делаю не так, неправильно? Цель поставлена! Нужно теперь только идти к ней. И 13 мая я поехала в г. Екатеринбург, в аппарат Уполномоченного по правам человека в Свердловской области, к Татьяне Георгиевне Мерзляковой. Внимательно выслушав меня, она рекомендовала заполнить заявление-анкету об известных мне данных о дедушке. А что я могла написать о нем? Что я знала? Только фамилию, имя и отчество и из какого военкомата он примерно был призван. А это, по моим предположениям, был Панкрушихинский райвоенкомат Алтайского края. Ведь там жила моя семья. И... о, чудо! 20 мая я получаю расширенную информацию о своем деде. Радости моей не было предела. И я начала работать в полную силу в этом направлении. Первая весточка о военном пути моего деда вселяла очень большую надежду в душе, ведь мои поиски только начались. Я хотела знать больше, все подробности жизни своего деда в годы войны. И полетели мои письма. Написала в Центральный архив Министерства обороны РФ г. Подольска, в Консульский Департамент г. Москвы, в Посольство г. Москвы и г. Екатеринбурга, в Посольство РФ в ФРГ, был сделан запрос через наш Режевской военкомат о подтверждении периодов прохождения службы в годы ВОВ, в Управление по увековечиванию памяти погибших при защите Отечества, в Общество Красного креста г. Москвы и г. Екатеринбурга и многие другие инстанции. Достаточно много информации почерпнула на сайтах «Мемориал», «Подвиг народа», «Память народа». Уходили мои письма с Урала и на Алтай во все районные и краевые инстанции, которые могли бы мне дополнить фактами жизни моей семьи и моего деда. В это же самое время, я интенсивно работала с семейными альбомами. Старые черно-белые фотографии помогли увидеть всю жизнь моей семьи, как на ладони. Разглядеть каждую черточку и морщинку на лицах родных и дорогих мне людей. Это бесценный клад, который хранили и передавали из поколения в поколение. Среди всех фотографий мне удалось найти довоенное фото, где бабушка была еще молодая и дедушка рядом с ней, и все их дети. А так же фотографию деда, подписанную моей маме, датированную 22 ноября 1941 года. Из фотографии мне сделали потрет, с которым я, уже 9 мая 2016 года, гордо шагала в строю «Бессмертного полка», в нашем уральском городе Реж. В очередной раз, придя в военкомат нашего города на прием к специалисту Глазковой Марине Иовлевне, я поделилась с ней закравшейся мыслью о том, что хотела бы посетить могилу дедушки в Германии, в Фюрстенберге. А почему бы и нет? И Марина Иовлевна рассказала мне такую историю. В г. Реже во время войны был лагерь военнопленных в районе пятого участка в микрорайоне Быстринский. Кладбище погибших военнопленных существует и по сей день.

В этом лагере военнопленных был из Германии Вилли Шарф. Ему удалось выжить. И вернувшись к себе на родину, в Германию, в Берлин, он написал книгу-мемуары «История

моей жизни». Естественно, книга была написана на немецком языке. Один из экземпляров книги привезли в сентябре 2015 года его дочь Сибиль Шарф-Виддер и внук Роман Виддер и подарили Режевскому историческому музею. В настоящее время в музее имеется перевод этой книги на русском языке. Все подробности об этой книге я узнала при дальнейшем сотрудничестве с заместителем директора исторического музея К. О. Савина. Обратившись в музей со своей проблемой поисков, я получила полную поддержку от Кирилла Олеговича. И уже в июне 2016 года я начала вести переписку с внуком Вилли Шарфа, с Романом Виддером, который живет в Берлине.

«... Нас с вами, уважаемый Роман, объединяет память о наших дедушках. И это здорово, что в наших с вами сердцах хранится и живет память о тех страшных, разрывающих душу и сердце днях Мировой войны. Эту войну пережили народы, а деды наши?...» Отправив первое электронное письмо, я честно говоря, не надеялась получить ответ на него. Причин для этого было несколько. Это и другая страна, и другой менталитет, возможно, и другие взгляды на жизненные ситуации, да многое другое. Но удача улыбнулась мне. Роман ответил на мое письмо. И между нами завязалась переписка. Началась техническая подготовка к дальнейшей поездке, приобретение билетов, бронирование отеля, оформление шенгенской визы. Невозможно перечислить всех, участвующих в подготовке к этой очень важной для меня поездке. Могу только низко поклониться всем и сказать: «Огромное спасибо Вам!»

2 глава

Москва – Берлин, 2016

Волнение перед полетом постепенно проходило, услужливые стюардессы начали раздавать напитки пассажирам. Я взяла бокал белого вина и сделала маленький глоток. Моя младшая дочь, Оля, сидела рядом, держа меня за руку. Она нужна была мне здесь и сейчас, именно в этой поездке, такой важной для меня. Муж не мог лететь со мной из-за своего здоровья, старшие дочери, Елена и Светлана не смогли полететь по разным причинам, семейным, рабочим, а Ольга смогла быстро уладить все дела, как только узнала о моих планах поехать в Германию и полетела со мной. Ее поддержка и участие делали меня сильнее и уже не так страшно было лететь так далеко. Я прикрыла глаза. Ну вот и все... мы в самолете, через несколько часов приземлимся в Берлине. Неужели у меня все получилось? Совсем скоро я окажусь на могиле дедушки. Улыбнувшись, мысленно обратилась к своей бабушке: «Нашла я твоего Алешу, мама старенькая...»

Уйдя в свои мысли, я задремала. Мне снилась моя деревня, моя улица, мой родительский дом. Моя улица была крайней и присвоено ей было название Партизанская. Но в памяти моей всплывали и другие названия – первая, вторая, третья улицы. Мой отчий домик изначально был расположен на первой улице, под номером 35. А это как раз в самой середине ее улицы. Мой отчий дом! Каким он был?! Маленьким, но уютным, теплым, милым, запомнившимся мне на всю жизнь. Захожу в дом, а здесь все такое родное, запах свежего хлеба, треск дров в русской печке, скрип половиц... Сердце сжимается от нахлынувших чувств. Вот сдвоенное окно, глядящее в палисадник. И еще одно окно, это в горнице. Здесь же стоит кровать железная, где спали мы с бабушкой (моей мамой старенькой, как я ласково называла ее!). Перед сдвоенным окном стоит небольшой стол, деревянный. И над ним уголок, закрытый вышитой белой салфеткой. Это святое место, передний угол, на котором стоят иконы – образа святых. А рядом со столом стоит большой сундук (или ящик), накрытый самотканым, но таким красивым ковром. А в этом ящике-сундуке хранились все новые вещи семьи, которые одевались по праздникам. Заглядывали в него не часто, а крайне редко. Но когда его крышка открывалась, для меня, маленькой, увидеть содержимое его было настоящим праздником. А уж что-то надеть – это было сверх того! Вот у стенки еще одна кровать, гораздо меньше и уже, но тоже железная. На ней спала старшая дочь Фина (моя лёлка, лёлечка, как я называла ее!). Напротив кирпичная печка. Отапливалась она постоянно, кроме лета, березовыми дровами. Дрова трещали, наполняя горницу теплом и уютом. Пол выкрашен в желтый цвет краской «Охрой». Под нашей с бабушкой кроватью вырыт небольшой подпол. Там хранились овощи на зиму со своего огорода. Пол застелен домоткаными половиками, и, заходя в горницу, домашние снимали обувь. Именно с моей кроватью, на которой мы спали с моей «мамой старенькой», связано мое раннее детство.

Утро в деревне начиналось с кормления скотины – коровы, поросят, кур, гусей, уток, а уже потом, затапливали маленькую печь (или грубку!) и русскую печь для выпечки хлебов и приготовления пищи. Завтракали позднее, после того, как была управлена (накормлена) скотина в хлеву. Работы было много, а тут я еще, маленький ребенок! Да дай Бог, если сон одолевал меня в то время, когда нужно утром управлять скотину! А если нет?! Тогда на помощь приходило большое полотенце. Оно обвязывалось вокруг моего пояса и концами привязывалось к козырьку кровати, чтобы не упала детя с кровати, и не простыла, топая по полу в зимнюю стужу к двери, которая то и дело открывалась и закрывалась, а в руках у бабушки были большие ведра с сывороткой и кормом для скотины. Рядом стояла кружка, железная кружка с намятыми конфетами-подушечками, чтоб не подавилась я, да и заделие, отвлечение было мне. А еще – тряпичная кукла и кружка парного молока, только что от подоенной коровы.

Ну это потом, когда будет управлена вся скотина... Вот дверь в избу распахнулась, бабушка снимает фуфайку, развязывает платок-шал: « Ух!» садится на ящик напротив кровати. Чуть отдохнув от утренней работы по хозяйству, она затапливает маленькую печку-грубку в горнице и большую русскую печь в кухне. Именно с русской печью связана неповторимая пора! Пора моей жизни. Кухонька небольшая, на одно оконце. И русская печка! Забираюсь я по приступке (лавочка, скамейка, ступая на нее, можно забраться на печку) на нее, ложусь вместе с кошкой – и такое блаженство разливается по телу. Оно неповторимо и несравнимо это блаженство ни с чем в жизни. Бабушка начинает готовить хлеба к выпеканию. На столе стоит квашня (сосуд с тестом!), мука, листы для хлеба. А я на печке, сижу и играю с тряпичной куклой. И бесконечные вопросы к бабушке. И тут я спрашиваю:

– А где наш дедушка?

– На войне погиб, однако. Ничего не знаю, не ведаю о нем.

И слезы... Я ни разу не видела дедушку. Но над нашей кроватью всегда висел его портрет в деревянной рамке, где бабушка и дедушка еще совсем молодые и пятеро детей (трое из них – взрослые, а двое подростки). Так что вопрос о дедушке был закономерным, он, наш дед, всегда был рядом с нами, рядом с бабушкой, пусть на фотографии, но всегда они рядом, вместе. Слезла я с печки, приподнялась на цыпочках, обняла ее за плечи и пообещала:

– Ты не плачь, мама старенькая, я вот вырасту большая и обязательно найду своего дедушку!

Сердце защемило от боли. Как бы мне хотелось и сейчас обнять ее крепко, утешить и сказать: «Не плачь и не тоскуй, моя мама старенькая, ты всю жизнь любила и ждала своего любимого, а он защищал всех нас, воевал за Родину, он дал нам надежду на мир и на лучшее будущее, да, погиб... , но не напрасно, за тебя, за детей, за Отчизну. Я нашла его...»

Рука Оли, мягко тронула меня за плечо, стряхнув остатки сна:

– Мам, просыпайся, мы приземлились. Берлин. Прилетели.

Хоть мы и переписывались с Романом Виддером перед поездкой, а последнего ответа я так и не получила. Мы не знали, сможет ли он нас встретить. Но выйдя из аэропорта, увидели молодого человека с табличкой «ЛЮДМИЛА». Сердце ухнуло от волнения. Приехал все-таки, встретил. Роман оказался очень интересным молодым человеком. Пока мы добирались до нашего отеля, я узнала, что Роман закончил Берлинский университет, историко-литературный факультет. Сейчас пишет диссертацию и в перспективе, после ее защиты, хотел бы остаться в университете, работать там. Рассказал, что очень любит Россию, много где побывал, и в Москве, и в Санкт-Петербурге, Казани, Екатеринбурге и у нас, в Реже. Интересовался и моей историей поисков деда. Я ему рассказала все, что могла. Роман так хорошо говорил по-русски, что я не удержалась от любопытства и спросила: «Где Вы так хорошо научились говорить по-русски?» Его ответ был несколько неожиданным для меня: «Сам, по словарям... , да и когда приезжаю в Россию, с друзьями стараюсь говорить по-русски. Они помогают мне. А вот и ваш отель. Ну, а мне пора в библиотеку, диссертация не ждет! Вы звоните». На этом мы и попрощались с ним. Молоденькая девушка-администратор проводила нас в номер. А Ольге уже не терпелось прогуляться по окрестностям:

– Мама, это же Берлин! – воскликнула она, – у нас целый день свободный, встреча завтра, ну пойдем погуляем и пообедаем заодно.

Я чувствовала усталость после перелета. Отдернув тяжелые шторы, дочь обнаружила небольшой балкон-террасу. Солнечные лучи тут же заполнили номер светом. Отодвинув оконную дверь в сторону, Оля вышла на балкон и плюхнулась в плетеное кресло с мягкими подушками.

– Мам, погода отличная, нам повезло! Могу посмотреть в интернете где, мы.

– Хорошо, только я устала немного, – я присела рядом.

Дочь окинула меня внимательным взглядом:

– Давай я спущусь вниз и попрошу приготовить нам чай, а ты пока почитай, где мы, – сунув мне свой телефон, она ушла.

Очки остались в сумочке, а без них было сложно читать. Отложив телефон в сторону, я стала ждать Олю. Она быстро вернулась. Чай возвращал мне силы. Я немного расслабилась, слушая, что нашла дочь в интернете:

– Итак, наш отель находится в Вильмерсдорфе, это юго-запад Берлина. Район Вильмерсдорф считается очень престижным. Так как, около половины жилых домов были разрушены во время второй мировой войны. В районе находятся не только старые шикарные виллы и особняки, но и многоквартирные жилые дома, построенные после войны. Почти всю западную часть района занимает лес и озёра. Можно сказать, что в этом районе встретились две противоположности: природа и бетонный город. В Вильмерсдорфе всегда жили знаменитости: политики, экономисты, деятели науки и культуры. Здесь много посольств и посольских резиденций... Ну что? Как ты? Готова на небольшую прогулку? – спросила она.

Я не могла ей отказать и утвердительно кивнула. Район оказался и впрямь красивым, с чистыми, аккуратными улочками. Мы зашли в первый попавшийся ресторанчик. Пока ждали наш заказ, я вспоминала, как готовила моя бабушка. Оля была в деревне совсем маленькой и не помнила почти ничего. Мне приятно было, что ее любопытство коснулось моей семьи, моего детства... Нам принесли жаркое из картошки с мясом в горшочках... Память вновь вернула меня в мой родной дом. Ни одна деталь не ускользнула от меня... Я на кухне. Напротив, русской печки, висит рукомойник, под ним стоит на табуретке деревянный тазик, а под табуреткой – ведро. Здесь же рядом прибита вешалка для обыденной одежды – для фуфаяк, в которых ходили управляться к скотине, во двор, в огород. Около печки – деревянный шкаф для посуды (чайной и столовой). А ниже – лавка, под которой располагались чугуны. Бабушка доставала их из русской печи ухватом или рогачом, наполненными и утомленными в печи деревенской пищей.

– Вкуснее, чем приготовленную картошку с мясом в русской печи мамой старенькой и ее большие пироги, я ничего не ела в своей жизни, – дочь удивленно приподняла бровь, – может быть, потому что в них присутствовал вкус детства моего? Да... так и есть...

Оля, подперев рукой лицо, внимала моим воспоминаниям.

– Знаешь, – я мысленно вновь вернулась в дом, – дальше в доме были неотопливаемые сенцы-сенки. Это небольшое помещение, перегороденное самодельной стенкой из досок и дверью, под названием кладовка. В кладовке хранились ненужные вещи, хозяйственная утварь... А еще в кладовке висели свиные копченые окорока. Они оставались после долгой, суровой сибирской зимы, не съеденные за зиму. С наступлением ранней весны, когда снег темнел, с ранними проталинками заносили в избу, засаливали в деревянных бочках, заливали крутым соленым раствором со специями, недели две вялили, давая им обсохнуть на весеннем солнышке, а потом коптили в бане, которая топилась по-черному. Развешивали их в бане над каменкой и топили баню до готовности окороков. А летом – придут с работы на обед, дядя ли заглянет по пути из МТМ (машинно-тракторная мастерская) или мама прибежит на обед на час (она уже жила постоянно в Велижанке), отрежут кусочек, да картошечку, да горбушку домашнего хлеба, да молочка из ямки, что на улице – вот и сыты!

Официант прервал меня, положив счет на стол. Но мы не спешили уходить. Я продолжила свой рассказ:

– Здесь же, в сенках в летнее время, да, пожалуй, с наступлением весны, разжигали керогаз (керосиновая горелка-печка), подогревая пищу и себе, и скотине. Там же, в кладовке, хранились деревянные бочки с квашеной капустой, которую засаливали и квасили по осени, добавляя туда морковь, помидоры. А еще кадушка с солеными груздями и укропом. Как удавалось моей маме старенькой так делать соленья – до сих пор для меня остается загадкой. Ешь зимой соленые грузди, а они хрустят на зубах, да с горячей рассыпчатой картошечкой! Все

соленья делали в деревянных кадушках (бочках). И вкус был отменным. А пирожки с сушеной, летом, клубникой! Да с молоком! Но вот парное молоко очень не любила, но пила по твердому настоянию своей мамы старенькой.

– А я до сих пор не люблю его, молоко ... – сморщив нос, сказала дочь.

Я улыбнулась и продолжила:

– Дом наш был огорожен изгородью незамысловатой, досками, как могли, руки женские, натруженные, – так и мастерили. И знаешь, о нашей семье, в основном женщинах (правда и дядя помогал!) говорили в деревне: «Всякая работа горит в руках у Уваровых – что хозяйство держать, что плетень городить...» Да, хозяйственные постройки для домашнего скота тоже соорудили сами. Все животные жили по отдельности друг от друга. Пристроим к кладовке дома был сарайчик для свиней. В хлеву стояла корова Белянка. У кур, гусей и уток был отдельный загон, у каждого вида птиц. Здесь же, во дворе, ямка-погреб. В нем хранились скоропортящиеся продукты в летний период. За курятником и гусятником был огуречник. Здесь сажали в парниках помидоры, капусту. На грядках из навоза росли огурцы, морковь, свекла, а позднее – маленькие, но такие красные и вкусные арбузы-арбузики, под названием «Огонек». Вся мелочь росла в этом маленьком огороде.

– А картошка?

– Тоже была, только в большом огороде. Это участок примерно соток двадцать – двадцать пять, а может быть, и более. Ведь картошка и овощи шли не только в пищу семьи, но и на корм скоту. Бабушка, выходя из избы (так чаще всего звали дом), заслоняясь от солнышка ладошкой, вглядывалась вдаль. В летнее время, может быть, смотрела, не зашли ли куры или гуси в огород. Или какая другая живность. А зимой закрываясь ладошкой от искристого снега, тоже всматривалась в огородную даль. А может быть, так ждала деда с войны? Как теперь узнаешь, какие мысли ее навещали в ту пору?

Расплатившись за обед, мы пошли бродить по улочкам. Оля была задумчива и молчалива. И как-то неожиданно спросила:

– Ты так рассказывала о своем доме... так привязана к нему, ты маленькая хоть уезжала оттуда? Ну, как мы, с сестрами, в пионерский лагерь, например, или, ну не знаю... к другой бабушке в гости или еще куда?

– Так надолго? Нет, – улыбнулась я, – я была очень привязана к моей маме старенькой, к дому... Помню, давным-давно это было. Приехал как-то из другого села, Романово, мой двоюродный дядя – Кукуев дядя Леня на лошади, запряженной в телегу. А на ней пустые фляги с молоком на наш Велижанский маслосырзавод. Ну и заехал к нам. Поиграла я с ним, а он стал просить бабушку отпустить меня с ним в Романово, к бабушкиной сестре, бабе Лене. Долго уговаривал мою бабулю, ну она и отпустила меня. И поехали мы с ним в Романово на лошади. Приехали. Пока он был дома – все нормально. Но ведь дело молодое, вечером надо ему в клуб бежать (на гужовку, как говорили в народе!). А я домой засобиравшись в Велижанку. Он мне и говорит: «Вот сейчас поспишь, а завтра с утра и поедем, домой отвезу тебя». А я ему: «Нет, дядя Леня, ты довези меня до наших огородов, а там я и сама дойду».

– Такой большой огород! А как же справлялись!?

– Пахали огород по весне плугом. За плугом шел пахарь, а в плуг была впряжена лошадь. Борозды были ровные, а перевернутая земля, отдохнувшая за зиму, черная, черная, влажная. В хорошую теплую погоду видно, как над землей, только что вспаханной, поднимается пар. Картошку сажали в ручную. Лопатой делали лунки. А дети от мала до велика с маленькими ведерками, бросали в лунки резаную картошку, сохраняя бережно ее ростки. Ну а потом прополка ее от травы, вручную. Взрослые с тяпкой-мотыгой, боялись срезать вылезающие ростки картофельных кустиков. Играть в огороде было строго запрещено, чтоб не затоптать ряды, не нарушить всходов. Так мы, дети, выросли в своих огородах. На эти работы уходил не один день, а порой неделя – две. Жара, мошки, комары не давали долго быть на огороде. «Еще не

успели руки отдохнуть от мотыги, – говорила моя мама старенькая, – а уже нужно окучивать картошку». И снова наклоняешься к каждому кусту, аккуратно окучивая ее. Эти знания обработки картофеля пришли позднее, лет в двенадцать – тринадцать. Раньше тятку мне в руки не давали, так как можно было и ноги поранить. Уж больно не хотелось одевать резиновые сапоги в летнюю жару. Босиком бегали! А осенью выбирали погожие деньки для того, чтобы копать выращенный урожай. И уж с огородными работами не побалуешь, не отдохнешь! Делу – время, а потехе – час.

– Мам, а в какие игры вы играли?

– Детские игры были тоже незабываемы. Ребятишек в семьях было много, и мальчишек, и девчонок. И жили, и играли все дружно, не ссорились. Во всяком случае крупных ссор не было. И хотя возраст у всех был разный, примерно 5-12 лет, мы всегда находили общий язык между собой. Играли в прятки, городки, в летнее в время, после дождя, запускали бумажные кораблики. У кого были велосипеды, учили кататься друг друга. Чертили классики на земле, прыгали, боясь наступить на черту. Девчонки скакали на скакалках, а все вместе играли в вышибалы. Когда уставали от подвижных игр, садились на лавочку и играли в глухой телефон, в фанты. Я больше всего любила играть в домики-клетки. Вначале строили дом из досок, у кого красивее и лучше получится, приносили в него старую одежду, игрушки, своих кукол. Вместо посуды были стекляшки. Так формировалось понятие лучшей хозяйки. Лепили из песка разную стряпню. И еще играли в школу. С таким волнением и нетерпением ждала, своей очереди быть учителем. И меня внимательно будут слушать мои «ученики». Брли пошире доску и писали мелом на ней. Да, ходила в кино на детский сеанс, а позднее на школьные вечера по субботам. А еще позднее – в клуб, на танцы. Но прежде, будь добра наносить воды из колодца от Зарезенковых, воды в огуречник, в бочки железные и во фляги для полива мелочи – это в летнее время. Воду из колодца, сделанного в виде журавля, черпали бадьей, деревянной, выливали в ведра и несли на коромысле. В зимнее и весенне-осеннее время возили в корыте навоз в огород и огуречник, разбрасывая его вилами ровными невысокими рядами. Тем самым и огород удобрялся, и животным было свободнее в пригонах. – я вздохнула, – тяжелая работа, но бери столько, сколько сможешь унести, увезти. Работа в деревне – круглый год.

Так жили все, так жила и моя семья, состоявшая из женщин – бабушки, Прасковьи Ивановны, тети моей любимой лёлочки – Уваровой Феоктисты Алексеевны, старшей дочери в семье Уваровых. Мама стала жить в деревне Велижанка гораздо позднее, когда для нее появилась работа в селе. Она бухгалтер по образованию. А до этого жила и работала по деревням района, а то и за пределами его. И я. Воспитание получала от мамы старенькой (бабушки) и лёлки Фины.

Немного поплутав по незнакомым улочкам, мы вернулись в отель. Вечер решено было скоротать на террасе. Ведь завтра предстоял важный день! Уютно устроившись в креслах, мы пили чай, наслаждаясь теплым августовским вечером. Каждый был в своих мыслях.

– А какие чудесные были у нас вечера... – прервала я молчание.

– Расскажешь? – оживилась дочь.

Эти воспоминания вызывали у меня улыбку:

– Я помню... Особым праздником в семье считалась баня – субботний день. Она была построена в огороде. Наверное, в целях пожарной безопасности. Топилась по- черному. Печь была сооружена в виде каменки, т.е. камни сверху были положены на топку. Затапливали баню с самого утра, а к вечеру, часам к пяти, она уже выстаивалась. В доме, обязательно к бане, бабушка стряпала большой пирог с картошкой и салом, естественно, добавлялся и лук, в меру. Ставили самовар на углях, большой, ведерный. В первый пар (так было принято!) ходил мой хрестный – Уваров Анатолий Алексеевич, затем его жена с бабушкой или лёлкой, а уж потом я (или с мамой, или с бабушкой). Волосы мыли щелоком – вода дождевая или снеговая, с добавлением золы. А в летнее и осеннее время еще и запаривали мелкую ромашку, которая росла в

огороде, – взглянув на волосы дочери, которые тяжелыми волнами рассыпались на ее плечах, продолжила, – оттого и волосы, наверное, в нашей семье были богатыми, красивыми, вьющимися. А у меня была коса, сколько себя помню. Я не могла даже сама промыть ее, настолько волосы были длинные и густые, тяжелые. И мне мыли голову или бабушка, или лёлка, или мама. Парились березовыми вениками! Ни с чем не сравненное чувство! А после бани отдыхали на кроватях, попивая горячий чай из самовара. Вся семья помылась, попарилась, отдохнула – и за стол, большой, деревенский. А на столе – горячий пирог, но уже отдохнувший от выпекания в русской печи. Поели, хрестный мой, дядя Анатолий берет в руки баян, и льется песня в избе Уваровых. Вначале грустная мелодия, которую запекает бабушка, каждую минуту думающая и ждущая деда с войны. «Сронила колечко, со правой руки...», «То не ветер ветку клонит, не дубравушка шумит...». Ей помогает сын, Анатолий Алексеевич, играет на баяне и поет. И слезинки вместе с песней блещут в ее глазах от воспоминаний о милом дружке. Видя это, Анатолий переключается на более легкую мелодию: «... Удивительный вопрос – Почему я водовоз?! Потому что без воды, и не туды и не сюды!» Это лёлкина не любимая песня, но она улыбается и прощает эту шутку родному брату. Она ведь в ту пору воду возила из пруда на маслозавод. В начале на быке, с металлической бочкой, а потом стала впрягать лошадь. Да пусть лучше песня льется над столом, чем слезы. А потом снова грустная – «Темно-вишневая шаль» К. Шульженко. Нам, детям, не принято было сидеть за столом со взрослыми, ну, если петь... Это другое дело. И вот я уже слышу приглашение дяди: «Люха, иди споем «Оренбургский пуховый платок»!» И я с радостью бежала и мы пели. И мама моя подключается, но брат ее останавливает: «Ты, Мария, нас не сбивай. У тебя лучше получается пляска и танцы. Или подыграй мне, возьми в руки балалайку или гитару». А потом поем «Огней так много золотых», «Называют меня некрасивою». Семья у нас была музыкальная, песенная! С наступлением лютых холодов, когда морозы достигали минус тридцати градусов, а то и сорока, вечерами садились и стряпали пельмени. Какие же это были прекрасные вечера! Бабушка замешивала тесто на пельмени, мама резала и крутила мясо на ручной мясорубке, готовила фарш. И только лёлка моя, Fiна, не принимала в этом участия. Руки, натруженные за день, на тяжелой работе, не слушались ее. Не получались у нее пельмени! Вот чурку дров расколоть – это да, или по хозяйству управить скотину, таская пудовые ведра в своих руках, а все остальное – это мелочь, это не для нее. И разговор за столом, когда лепили пельмени. Обо всем: о домашних делах, о новостях в деревне, о планах семейных, но о войне..., о гибели деда – ни слова. Это ноша была у каждого своя, в душе носили ее и выплескивали горечь только наедине с собой...

– Ты когда-нибудь, мам, представляла себе деда на войне? – вдруг спросила Оля.

Я растерялась от вопроса дочери. Может быть, дед и писал, но я не видела этих писем... может быть... слишком мала была. Может, мои любимые женщины оберегали меня от всех напоминаний о войне? Да и тема эта была закрыта в семье. Как я могла себе его представлять?

– Нет... – чуть помедлив, я прошептала – мне просто страшно такое представлять...

Я смотрела на дочь, не понимая, куда она клонит. Взгляд ее был устремлен куда-то вдаль. После короткой паузы она тихо заговорила:

– А знаешь, я, наверное, могла бы представить его... За один день на войне проживаешь и десять жизней, и десять смертей... А у него, твоего деда, мам, вся война прошла перед глазами... Пытаюсь представить, как он воевал... Думаю, что писал он письма домой. Только тебе не суждено было их прочесть...

1941-1942 где-то на фронте... Тяжелая обстановка на фронте вынуждала железнодорожные части, вместо обслуживания и технического прикрытия участков, вести бои с наступавшими частями противника. Бои шли днем и ночью. Мам, я представляю его себе... Ранним утром, после остервенелого налета артиллерии и минометов, начиналась авиабомбардировка, которая продолжалась много часов подряд. Вот он, по уши в грязи, весь обросший, белье менял, бог знает когда... Прохуdivшиеся сапоги, сквозь дыры видны исподние штаны. Изму-

ченный физически и духовно, но не потерявший веру и человечность даже в самые страшные минуты жизни... шел в бой. А вернувшись с передовой на короткий отдых, он и не чувствовал, как, смертельно усталый, взглянув на изрядно потрепанную фотографию своей семьи, хранимую у сердца, писал пару строк, ей, Прасковье и детям, что жив, засыпал у костра... – Здравствуй, моя дорогая жена, Прасковья Ивановна и милые дети. Шлю я вам свой сердечный привет. Основная моя забота о тебе, Прасковья Ивановна, так как придется тебе пережить все трудности одной с большой семьей... – так он мог начинать свои письма... или что-то вроде этого: Обо мне не печальтесь, здесь, на фронте, на передовой, смерть получить – ничего удивительного нет, у кого какое счастье. Со мной вот воевал товарищ из N-го района, славный боец. В бою он погиб, а я получил ранение... Представлены к награде... – а в конце войны, наверное, мог написать такое: Вот уже несколько дней мы идем вперед – на запад. Противник в беспорядке отступает, а у меня одна только забота – вперед, вперед. Как любо это бодрое всепобеждающее слово. Оно увеличивает мои силы, заставляет забыть об опасности, о смерти... Каждый шаг вперед – это шаг к вам, к нашей встрече... Живите, как и я, надеждой на встречу...

Зажмурившись, я очень четко представила описанную Олей картину. Мне захотелось крикнуть от боли и ужаса: «Нееееет!!!!!!» Дочь обняла меня за плечи, прошептав:

– Прости...

Позже я долго не могла уснуть. Память не давала мне отдыха. Завтра я буду на могиле моего дедушки, Уварова Алексея Егоровича. Что я знала о нем? Очень мало... закрывая глаза, я пыталась соединить все в одно целое, то что я знала из рассказов бабушки своей, то что я прочитала в архивах... без представлений ужаса войны... не сейчас.

3 глава

Уваров Алексей Егорович родился в 1896 году в селе Романово Панкрушихинского района Алтайского края. Число и месяц рождения, к сожалению своему, я не знаю. Да и исторические данные ничего не говорят по этому поводу. Год его рождения и то не по всем документам совпадает. В одних источниках – 1896 год, в других – 1898 год. Источник информации – ЦАМО утверждает, что год его рождения – 1896 год, Книги Памяти о Великой Отечественной войне утверждают, что год его рождения – 1898 год (г. Барнаул – «Краевая Книга Памяти», с. Панкрушиха – «Книга Памяти»). Где-то произошла ошибка. Да в этом ли вся суть?! Главное, что человек родился, вырос, возмужал, прожил красиво отпущенные Богом годы. Село Романово соседствовало с Велижанкой. Отделяло их друг от друга примерно километров двадцать. Алексей Егорович был единственным ребенком в зажиточной по тем временам в семье Уваровых. История гласит, да и бабушка рассказывала, что он из рода графа Уварова. В доме Уваровых были и прислуги, одной из которых и была моя бабушка. Мой дедушка получил достойное по тем временам и меркам образование – он работал счетоводом на маслосырзаводе. А позднее стал директором завода (с 1938/1941). И считался грамотным среди жителей села. Он не только уверенно и твердо держал в руке и в голове ручку и цифры, а как говорила бабушка, это был тыл для семьи. Каменная стена, любящая и любимая и женой и пятерыми детьми. А строгий был («Посмотрит – рублем одарит»). По взгляду можно было понять, что не так, «ходили по одной половице». В нем сочеталось несколько качеств: щедрость и доброта, заботливость и внимание, аккуратность во всем и педантичность. Я ни разу не видела своего деда, потому что родилась в другом веке, другом столетии. Но он всегда был со мной, жил в семье. Он смотрел на нас со стены, с портрета над кроватью бабушки. На него ровнялись его дети, постоянно в мыслях беседовали с ним: «А как бы ты, отец, поступил в этом случае?» И вот, спустя годы, много-много лет, я часто смотрю на эту фотографию деда и думаю: «Да, уж, взгляд, посмотрит – рублем одарит». Черным крылом гражданская война задела и Сибирь. Согласно историческим данным, «С 18 ноября 1918 года в Сибири установилась военная антибольшевистская диктатура во главе с адмиралом А. В. Колчаком. Армия Колчака нуждалась в продовольствии, снаряжении и в людях. Требования белых вызвали недовольство всех слоев населения. Особенно негативно отнеслись люди к требованию белых вступать в армию. В сельской местности обычным явлением стали карательные экспедиции. Село Велижанка в период с 1912 по 1921 годы был центром волости Каменского уезда. Карательные отряды не оставили без внимания и эти удаленные алтайские места. Часть карательного отряда хорунжего Бессмертного расположилась и в селе Велижанка. Колчаковцы чувствовали себя хозяевами, жили по квартирам, где им хотелось, а население держали в страхе. При малейшем подозрении на сопротивление над людьми издевались, пороли шомполами, отбирали хлеб, скот. С такими порядками крестьяне не могли мириться. Среди жителей зрело недовольство. Большевики агитировали подняться и свергнуть такую власть... Объединенными силами крестьяне под руководством большевиков, фронтовиков выгнали белых из своего района. Белые отошли и укрепились в селе Кочки Новосибирской области. В борьбе за освобождение сел от белых из велижанских в живых остался только слесарь К. Г.» Вот такая страшная история моего села Велижанка, в котором в те далекие боевые годы зарождалась молодая семья Уваровых – Алексея Егоровича и Прасковьи Ивановны. Какое участие в борьбе за новую жизнь в годы гражданской войны принимали мои дедушка с бабушкой – мне неизвестно, но то, что они были свидетелями этих страшных событий – неоспоримый факт. Мой дед издал приказ по маслосырзаводу от 22.10.41 об освобождении себя от должности директора. И уходит на фронт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.